

УДК 9

DOI 10.21661/r-557185

У.В. Зыкова

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ КИТАЯ В СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ

Аннотация: *в настоящее время коммерциализация китайско-северокорейских отношений обеспечивается во многом благодаря субъектам ниже государственного уровня, включая провинциальные и городские аппараты управления, частные предприятия, общественные ассоциации. В статье сформулирована полная картина экономической деятельности Китая в Северной Корее в промышленном и рыбных секторах КНДР, а также определено влияние экономической активности Китая в КНДР на региональную безопасность Корейского полуострова. Был сделан вывод о том, что на сегодняшний день традиционные иерархические отношения между центральным и местным аппаратом заменяются моделью экономической децентрализации, включающей в себя бюджетную автономию регионов с организацией межбюджетных отношений, что, в свою очередь, способствует развитию экономической деятельности субъектов на территории Северной Кореи.*

Ключевые слова: *экономическая деятельность, Китай, Северная Корея, минеральные ресурсы, рыбная промышленность, региональная безопасность, Иодо.*

Сотрудничество в области энергетики и минеральных ресурсов в качестве гуманитарной помощи до 2003 г. между Китаем и Северной Кореей напрямую контролировалось центральными правительствами двух стран – первым подписанным соглашением, включающим природные ископаемые, стал договор от 1970 г. «О взаимных поставках важнейших видов продукции». За период с 1971–1975 гг. объём поставок нефти из Китая в Северную Корею составил более 500 тыс. тонн, а обновлённое соглашение 1975 г. гарантировало поставку 100–150 тыс. тонн нефти в год за период с 1976 по 1979 гг [5, р. 26] В 1976 г. был

открыт нефтепровод Дандун-Синьдзю, транспортировавший нефть в КНДР по льготной цене [12, р. 9], что сделало КНР самым большим и самым стабильным поставщиком нефти в Северную Корею.

Промышленное и экономическое развитие Китая тесно связано с добычей полезных ископаемых, в особенности угля. В 2012 г. Китай, будучи страной, занимаемой третье место в мире по количеству разведанных запасов угля, потребил 402 млн тонн угля [6], что составляет половину от общего потребления угля в мире. Добыча составила 370 млн тонн, в то время как импорт – 32,7 млн тонн [5, р. 32]. Рост инвестиций из Китая в 2000-х гг. стимулировал желание Китая получить доступ к минеральным ресурсам КНДР из-за истощения собственных шахт в северо-восточных провинциях – в 2003 г. импорт минеральных ресурсов из Северной Кореи составил более 17% импорта Китая из КНДР, а к 2005 г. объём импорта достиг 61% [5, р. 27].

Различные уровни китайских участников экономической деятельности в Северной Корее инвестировали в уголь, редкоземельные металлы и железную руду посредством передачи технологий и создания совместных предприятий. Так, в октябре 2005 г. правительство КНДР при поддержке китайской государственной корпорации China Minmetals подписало соглашение о создании совместного предприятия на северокорейском угольном месторождении [7, р. 4].

Помимо государственного регулирования в экономической деятельности также выступают китайские региональные правительства, частные и местные госпредприятия, которые ведут переговоры с местными органами власти по вопросам оказания инвестиционной и технической поддержки, предоставления рабочей силы для строительства инфраструктуры, такой как железнодорожные и электрические сети – в 2008 г. Henan Yima Coal Mining Group, одна из ведущих государственных угледобывающих компаний в провинции Хэнань, совместно с крупнейшей угледобывающей компанией КНДР Anju Coal Mining Association подписали соглашение по разработке двух проектов, включая строительство электро- и углесборной станций [10].

Как и в случае с угольной промышленностью центральное правительство Китая и региональные госпредприятия руководствуются разными мотивами в сфере добычи редкоземельных металлов и железной руды. Центральное правительство в основном обеспечивает основу и содействие сотрудничеству с Северной Кореей, в то время как компании, так и малые и средние предприятия, участвуют только в определенных видах экономической деятельности на её территории.

Существует несколько основных каналов экономического взаимодействия Китая и КНДР в секторе добычи минеральных ресурсов: несмотря на то, что Пекин потерял свою ранее доминирующую роль в эпоху Холодной войны в решениях, касающихся экономических вопросов в китайско-северокорейских отношениях, он по-прежнему оказывает институциональную поддержку с точки зрения легализации китайской экономической деятельности в Северной Корее путем подписания генеральных соглашений, обеспечивающих стимулирование и защиту инвестиций.

Центральное правительство также предлагает необходимую дипломатическую помощь для достижения программ экономического сотрудничества, имеющих отношение к центральным государственным компаниям и стратегическим ресурсам, таким как редкоземельные металлы.

Расширение производства продовольствия и обеспечение доступа к недорогим продуктам питания является важным приоритетом в политике правительства Китая, так же как доступ к стратегически важным минеральным ресурсам. Однако одними из наиболее серьёзных препятствий для поступательного развития китайского рыболовства являются плохое состояние рыбных запасов, морской среды и внутренних водоемов, рост цен на топливо, а также китайско-южнокорейское соглашение, сокращающее количество рыболовных угодий Китая [9]. В этих условиях китайская экономическая деятельность в рыболовном секторе вынуждена стремиться к быстрому расширению за рубежом.

Участие Китая в рыбной промышленности Северной Кореи можно условно разделить на шесть категорий видов деятельности: покупка лицензий на вылов и

добычу водных ресурсов, инвестирование в новые объекты, расположенные в прибрежной зоне КНДР, повышение квалификаций китайских и северокорейских рыбаков преимущественно местными китайскими органами власти, передача конкретных технологий, создание совместных предприятий, а также участие в незаконном лове рыбы.

Начиная с 2003 г. КНР помогает развивать рыбообрабатывающий сектор КНДР – при участии китайского капитала в торгово-экономической зоне Расон был введен в строй завод по переработке рыбопродуктов Тэхын [2, с. 42].

Сотрудничество Китая и КНДР в области использования морских ресурсов затрагивает интересы и Республики Корея – в 2004 г. количество китайских судов в северокорейских водах составляло 144 единицы, к 2005 г. их число составило 935 судов [2, с. 44]. Такая увеличивающаяся динамика настораживает южнокорейское правительство, поскольку это может отрицательно сказаться на состоянии и качестве морских биоресурсов самой страны.

Помимо дефицита рыболовных угодий, вызванного соглашением о рыболовстве между Китаем и Республикой Корея, экономическая деятельность Китая в Северной Корее в секторе рыболовства также мотивируется экологическими требованиями, в частности предотвращением загрязнения океана.

Так, экономическое участие Китая в рыболовном секторе КНДР обострило китайско-южнокорейские отношения за право обладания подводной скалы Иодо в Восточно-китайском море. Начиная с 1996 г. обе стороны провели 16 раундов переговоров и встреч относительно установления границы экономической зоны между Китаем и Южной Кореей, но так и не смогли достигнуть договоренности, поскольку южнокорейская сторона отказывалась вести переговоры о статусе рифа Иодо [1, с.73]

Несмотря на то, что Пекин и Сеул достигли взаимного согласия, что скала Иодо является лишь камнем преткновения в споре об экономических зонах, в 2001 г. Корейский институт геологии официально переименовал скалу Иодо в остров Иодо [8, р. 60]. Спустя два года Южнокорейский институт

океанографических исследований построил комплексную океанографическую базу на острове.

Рыбные ресурсы Северной Кореи являются естественной «буферной зоной» между Китаем и Южной Кореей. До начала 2000-х гг. в территориальных водах КНДР находились в общей сложности менее семидесяти китайских и южнокорейских рыболовных судов [5, р. 128], однако китайская экономическая деятельность была обусловлена огромным компромиссом, достигнутым Китаем в соглашении о рыболовстве между Китаем и Республикой Корея в 2000 г.

Основными жертвами этого соглашения в Китае стали рыбаки из провинций Шаньдун, Ляонин и Чжэцзян. За исключением нескольких крупных компаний из этих провинций, которые решили построить удаленные рыболовные станции для развития рыболовного бизнеса со странами Латинской Америки, большинство рыбаков выбрали Северную Корею в качестве альтернативного варианта из-за низкой арендной стоимости и удачного географического расположения [4].

С другой стороны, морская экономическая деятельность Южной Кореи в Северной Корее столкнулась с большими трудностями: напряженность в отношениях с Северной Кореей, вызванная жесткой политикой президента Ли Мен Бака, ограничила продвижение сотрудничества в области рыболовства между Южной Кореей и Северной Кореей, что привело к снижению числа южнокорейских судов в водах Северной Кореи до 100–120 [5, р. 129].

Несмотря на то, что китайско-северокорейское взаимодействие в сфере промысла компенсировало потерю занятых рыбаков по китайско-корейскому соглашению о рыболовстве, оно создало еще один фронт конкуренции за рыбные ресурсы в Желтом море с Южной Кореей. Таким образом, экономическая деятельность Китая в рыболовном секторе Северной Кореи оказывает негативное влияние на китайско-корейские отношения, создавая препятствия для разрешения споров по поводу экономических зон вокруг подводной скалы Йодо.

Ликвидация нетрадиционных угроз безопасности, таких как бегство северокорейских граждан на территорию Китая, нехватка рабочей силы и отток населения, является главной задачей на региональном (провинции Цзилинь и Ляонин)

и местном уровнях (Яньбянь-Корейский автономный округ). Проблема нехватки рабочей силы в Северо-Восточном Китае представлена при сочетании двух факторов: чистый отток квалифицированной рабочей силы в основном районе Северо-Восточного Китая и сокращение этнического корейского населения в Яньбяньском автономном округе [11, р. 379].

В 2010 г. губернатором Корейского автономного района Яньбянь совместно с председателем Народного комитета города Расон было подписано соглашение о сотрудничестве между соответствующими учреждениями двух стран, в этом же году на государственном уровне Китай и Северная Корея достигли соглашения о взаимном развитии Расонской торгово-экономической зоны [13, с. 82]. Соглашение включает в себя двустороннее экономическо-технологическое, а также сельскохозяйственное сотрудничество, создание комитета по управлению соответствующими операциями и обеспечение электроснабжения для СЭЗ.

В 2009 г. было заключено соглашение между мэром городского округа Яньцзи и председателем Народного комитета СЭЗ Расон относительно проекта ремонта трансграничного моста через реку Туманган, который соединяет порт Цюаньхэ в Хуньчуне провинции Цзилинь с портом Юаньтинли КНДР. Местные высшие должностные лица также достигли соглашения по модернизации пограничного перехода Цюаньхэ, а также строительству прямой дороги Раджин-Юаньтинли, общая протяженность которой составляет более 500 километров. Проект реконструкции развивается за счет средств местного самоуправления города Хуньчунь, и также контролируется центральными правительствами двух стран [3]. Особую заинтересованность в проекте выразила и российская сторона.

Помимо этого, между приграничными городами Китая и Северной Кореей были реализованы несколько совместных проектов в области как легкой промышленности, так и туризма, которые обеспечивают рабочие места для этнических корейцев в качестве туристических гидов и водителей, а также способствуют модернизации поездов. Сотрудничество в сфере легкой промышленности напрямую уменьшило нехватку рабочей силы текстильных предприятий в приграничных районах Северо-Восточного Китая.

Благодаря действиям органов местного самоуправления были осуществлены экономические инвестиции в социальную инфраструктуру приграничных городов и СЭЗ Северной Кореи – эти мероприятия могут в некоторой степени помочь решить социально-экономические проблемы и проблемы безопасности границ в Северо-Восточном Китае, а пятидесятилетняя аренда порта Расон является большим шагом в продвижении региональной интеграции.

Исторически отношения между Северной Кореей и Китаем были «близки как губы и зубы». Во время Корейской войны Китай и другие страны социалистического блока оказывали КНДР помощь, которая во многом и спасла политический режим и саму страну от исчезновения путем поглощения Южной Кореей. Начиная с 2000 г. отношения между двумя странами стали налаживаться после короткого охлаждения, вызванного установлением дипломатических отношений между КНР и РК в 1992 г., а к 2002 г. начался довольно стремительный рост экономических связей – с учетом проводимых экономических реформ и «открытия» Северной Кореи китайские инвесторы расширили свою деятельность в секторах добычи минеральных ресурсов, рыболовства, легкой промышленности, а также в сотрудничестве в сфере труда.

Коммерциализация китайско-северокорейских отношений обусловлена действиями субъектов ниже государственного уровня, включая провинциальные и городские аппараты управления, частные предприятия, общественные объединения. Примерами являются правительства провинции Цзилинь, города Даньдун, компания Jilin Tonghua Steel, компания Zhoushan First Ocean Fishery Company и Китайская ассоциация зарубежного рыболовства [5, p. 144], которые вовлечены в экономическую деятельность на территории Северной Кореи. Их деятельность как способствует, так и иногда противоречит общим целям Пекина по поддержанию регионального мира и стабильности в Северо-Восточной Азии.

Хотя центральное правительство по-прежнему играет важную роль в принятии первичных решений относительно внешнеэкономической политики Китая, оно редко принимает участие в экономической деятельности в Северной Корее, за исключением дел, связанных с госкомпаниями, в то время как органы

местного самоуправления являются ключевыми участниками решения нетрадиционных проблем безопасности.

Несмотря на то, что китайский экономический фактор присутствует в нескольких секторах экономики КНДР, существует три основные причины, мотивирующие экономическую деятельность китайских предприятий в этих секторах – это возможность использования ресурсов как материальных, так и человеческих, недоступных в Китае или доступных только в ограниченных количествах, благоприятные природные условия, а также законодательная система КНДР, включающая различные нормативные акты, благодаря которым китайским инвесторам предоставляются юридические, финансовые, налоговые и материальные преференции.

Список литературы

1. Иванов А.Ю. «Подводная скала Иодо как «камень преткновения» в акваториальном споре Республики Корея и КНР в Восточно-китайском море» // Ученые заметки ТОГУ. – 2017. – Том 8, №1(2). – С. 70–78.
2. Курмазов А.А. «Усиление влияния Китая на морскую деятельность Северной Кореи в японском море» / А.А. Курмазов, В.В. Цыгир // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2011. – №3. – С. 40–45.
3. Россия продвигает проект по строительству порта «Зарубино». Провинция Цзилинь получит выход к морю // Summa group, 30 сентября 2014 г [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://summa.geopolisdigital.ru/press/news/media/198/view/>
4. Alessandro Ford «GameChangers 2021: How IUU Fishing Plundered Latin America's Oceans» // InSight Crime, 23 December 2021. Retrieved from: <https://insightcrime.org/news/gamechangers-2021-iuu-fishing-plundered-latin-americas-oceans/>
5. Bo Gao «China's Economic Engagement in North Korea» // Palgrave Series in Asia and Pacific Studies. – 2019. – Pp. 1–176.

6. Consumption of coal in China in 2012, by region // Statista, December, 2013. Retrieved from: <https://www.statista.com/statistics/331786/china-coal-consumption-by-region/>
7. Daniel Gearin «Chinese Infrastructure and Natural Resources Investments in North Korea» // U.S.-China Economic and Security Review Commission Staff Backgrounder, 2010. – Pp. 1–11.
8. Senan Fox «China, South Korea, and the Socotra Rock Dispute: A Submerged Rock and Its Destabilizing Potential» // Springer Singapore, 2019. – 146 p.
9. Sino-South Korea Fishing Agreement to Take Effect // China. Org., 4 June, 2001. Retrieved from: <http://www.china.org.cn/english/10470.htm>
10. Tong Hao «China coal miner ventures into DPRK» // China Daily, 26 December, 2008. Retrieved from: http://www.chinadaily.com.cn/bizchina//2008-12/26/content_7344352.htm
11. Woo Park «The Asianization of Northeast China: Fragmented Integration of Local Authority and the Yanbian Korean Autonomous Prefecture» // Journal of Asian Sociology, 2019. – Vol. 48. – №3. – Pp. 377–414.
12. Yukihiro Hotta «China's Aid to North Korea – Centered on the China-North Korea Oil Pipeline» // International Circumstances in the Asia-Pacific Series, Japan Digital Library, 2016. – Pp. 1–18.
13. Юн Сынъхён. Пук.Чун Чопкёнчжиёк кёнджехёмнёк хёнхванква чхамёбанан [북 . 중 접경지역 경제협력 현황과 참여방안] Текущее состояние экономического сотрудничества в приграничных районах Северной Кореи и Китая, проект участия // LHI Journal of land, housing, and urban affairs, 2015. – С.79–88.

Зыкова Ульяна Вячеславовна – студент Восточного факультета ФГБОУ «Государственный академический университет гуманитарных наук», Москва, Россия.

